

Гу Шишу с любопытством наблюдал за Шэнь Нянем, гадая, как тот выкрутится из нынешней ситуации.

— Владыка... — Шэнь Нянь в испуге отбросил вещи, которые держал в руках, и распростерся на холодном полу, дрожащим голосом взывая к нему, словно именно он был тем, кого несправедливо обидели.

Затем он поднял полный смятения и ужаса взгляд и указал прямо на коленопреклоненного рядом стражника.

— Это... это он! Он усомнился в чистоте моего происхождения и, не доверяя мне ведение дел в Ваших покоях, решил всё контролировать сам. У меня не было выбора, пришлось ему подчиниться... Эти духовные плоды и напитки тоже он принес. Я... я не удержался и тайком попробовал один.

Это был крайне нелепый и шитый белыми нитками предлог, но при поддержке стражника и влиянии ауры всеобщего любимца, возможно, ситуацию еще можно было спасти. В конце концов, его золотая рыбка позволяла ему естественным образом вызывать симпатию, а люди склонны верить в то, во что хотят верить.

Гу Шишу шагом вошел в зал, и звук его шагов отчетливо отдавался в ушах двух распростертых на полу людей. Похоже, слова Шэнь Няня возымели действие: Владыка остановился прямо перед своим сбившимся с толку подчиненным.

— Это правда? — спросил Повелитель демонов.

Стражник, не способный даже вообразить, что юноша, которого он считал добрым и прекрасным, в одно мгновение солжет, чтобы выгородить себя и свалить на него вину за неповиновение Владыке, задрожал всем телом. Он посмотрел на Шэнь Няня, но тот даже не удостоил его взглядом, словно они были совершенно чужими людьми.

Как же так? Ведь кроме него у Шэнь Няня не было другой опоры. Стиснув зубы, стражник всё же признал свою вину:

— Владыка, я заслуживаю смерти.

Однако в душе его зародились сомнения. Под влиянием ауры всеобщего любимца образ Шэнь Няня оставался прекрасным и трогательным, но, глядя на него, стражник вдруг почувствовал, что тот становится чужим, и ощутил странный диссонанс.

Шэнь Нянь же, получив желаемую поддержку, тихо выдохнул с облегчением. Он не видел, что в глазах стражника, помимо слепого обожания, постепенно проступают недоверие и противоречие.

Гу Шишу видел всё. Уголки его губ дрогнули в усмешке, и он, обойдя побледневшего стражника, который продолжал каяться, подошел к Шэнь Няню.

С того места, где лежал Шэнь Нянь, он видел лишь черные сапоги Гу Шишу с золотой вышивкой. Он не смел поднять голову, его сердце бешено колотилось, словно у узника в ожидании приговора.

Повелитель демонов не удостоил их и взглядом, а лишь небрежно перебрал лежавшие на столе диковинные сокровища. Надо признать, этот подчиненный действительно души не чаял в Шэнь Няне: среди вещей были те, что он копил годами, и теперь, делая вид, что всё это мелочи, он выложил их перед Шэнь Нянем. Наверное, он думал, что прямое упоминание ценности этих даров лишь встревожит простодушного юношу. Какое самомнение.

— Я и не знал, — наконец заговорил Владыка, и оба человека на полу вздрогнули, — что ты, будучи слугой дворца, настолько опасаясь простого ученика клана бессмертных, что решил лично взять на себя уборку его покоев. В чем дело? Ты подозреваешь его в чем-то?

Услышав первую половину фразы, Шэнь Нянь обрадовался, что внимание Владыки действительно переключилось. Но когда прозвучали последние слова, он понял, что всё снова вернулось к нему. Этот ход провалился.

Шэнь Нянь в отчаянии позвал систему, лихорадочно листая каталог товаров, и нашел функцию перезаписи памяти, на которую ему всегда было жалко баллов. Сброс памяти всего на один час стоил большей части очков, накопленных им на покорении Императора демонов и Владыки людей. Но что поделать? Дрожа, он сообщил системе, даже чувствуя, как сжимается сердце от потери:

— Я покупаю это...

Его мысль еще не успела угаснуть, как стражник, стоя на коленях, подавил страх и произнес:

— Владыка, мне... мне нужно доложить.

Шэнь Нянь поспешно отменил сделку, решив сначала послушать, что скажет стражник. Тот, его послушная рыбка, глубоко вздохнул и, повернувшись к побленевшему юноше, словно принял окончательное решение, сказал:

— Это действительно моя вина. Я питаю чувства к Нянь-няню, поэтому и принуждал его, желая, чтобы он отдохнул. Эти вещи я принес по собственной инициативе. Но всё, что сказал Нянь-нянь — правда, он ни о чем не знал. Если бы он знал, он бы ни за что не принял их.

Сказано было довольно гладко, но Шэнь Нянь инстинктивно почувствовал подвох. И точно — Гу Шишу с удивлением усмехнулся его словам, и в этой улыбке невозможно было уловить

истинных эмоций.

— Оказывается, вы пара несчастных влюбленных. Что ж, — Владыка словно принял спонтанное решение, — это не такая уж большая беда. Я не против помочь влюбленным, так что сегодняшний инцидент можно забыть. Только, — он повернулся к Шэнь Няню, — хочешь ли твой Нянь-нянь быть с тобой?

Лицо Шэнь Няня стало бледнее мела. Что делать? Стражник смотрел на него с надеждой и радостью, словно ожидая награды. Но как он мог снизить до него? Тем более, если Владыка поверит в это, как продолжать соблазнение самого Гу Шишу? Он снова хотел потребовать у системы перезапись памяти, но в последний момент одернул себя. Нет, даже с его баллами этого хватит лишь на один раз. А при добровольном признании стражника ситуация еще не безнадежна. Пожертвовать пешкой, чтобы спасти ферзя, — кто из них пешка, а кто ферзь?

При этой мысли выражение лица Шэнь Няня изменилось: он изобразил крайний испуг и растерянность. Глядя на стражника чужими глазами, он пронзительно воскликнул:

— Я не хочу! Я... я совсем тебя не знаю. Хотя ты был добр ко мне, я не ведал об этом, как я мог ответить тебе взаимностью?

На лице стражника, где только что сияла радость, отразилось полное недоумение. Он был ошеломлен. Это не так, всё должно быть иначе! Как Нянь-нянь может говорить, что не знает о его доброте? Как может говорить, что не ответил на его чувства, после того как вел себя последние два дня? К тому же он только что выгораживал его перед Владыкой! Руки и ноги стражника похолодели, и даже если раньше он испытывал к нему величайшую симпатию, теперь она была погребена под грудой недоверия и шока.

Шэнь Нянь же отвернулся, не взглянув на него больше ни разу, и тихо зарыдал:

— Владыка, я не знаю, что делать... Но я... на самом деле я люблю... Нет, я не могу быть с ним.

Юноша выглядел так, будто у него есть некая невыразимая тайна. Он плакал, украдкой поглядывая на единственного, кто стоял в зале и обладал всей полнотой власти — на Повелителя демонов. Дойдя до середины фразы, он застенчиво опустил голову, а вокруг глаз у него выступил яркий румянец.

Аура всеобщего любимца начала действовать: Шэнь Нянь выглядел настолько жалко, что вызывал желание защитить его, словно прекрасную красавицу, тайно хранящую глубокое чувство. Хотелось верить, что и с ним будут обходиться нежно.

Жаль только, что из двоих присутствующих один был невосприимчив к ауре. А второй, хотя и находился под ее влиянием, смотрел на него всё холоднее, словно угасающий пепел. Он растерянно смотрел на того, кого глубоко любил, и думал: за что я его полюбил?

Гу Шишу счел, что момент настал, и теперь его подчиненный больше не будет вести себя как замороженный, разыгрывая драму неразделенной любви. Он был доволен. Что касается Шэнь Няня, то он еще пригодится.

Заметив, что на лице Владыки больше нет непроницаемого холодного равнодушия, и в его взгляде впервые промелькнуло удовлетворение, Шэнь Нянь с дрожью опустил голову, чувствуя, что пережил этот кризис. Возможно, он даже произвел на Владыку более глубокое впечатление. Он утешал себя, стараясь не думать о другом человеке, который сейчас был раздавлен и опустошен. Это была необходимая жертва.

Ситуация дошла до того, что голос Владыки стал гораздо мягче:

— Если ты не желаешь, я не стану принуждать. Но недоразумения между вами лучше разрешить.

На лице Шэнь Няня отразилась радость, словно слова Гу Шишу были его единственным спасением, хотя в душе он не мог выдавить из себя даже усмешки. Какое уж тут разрешение недоразумений — это было полное поражение.

— Вставайте, — Гу Шишу приказал своему подчиненному уйти. Тот был настолько подавлен, что, поблагодарив, поспешно удалился, не взглянув на Шэнь Няня, чтобы понести наказание. Разумеется, наказание не будет суровым — Гу Шишу знал, на какие глупости идут люди ради «сына удачи». К тому же потеря накопленных за годы ресурсов и крах надежд на взаимность были для него достаточным наказанием.

Что касается Шэнь Няня, Гу Шишу, хоть и не горел желанием играть, всё же решил доиграть роль до конца. Он опустил взгляд на хрупкого, убитого горем юношу и протянул руку, чтобы помочь ему подняться. Контакта не было — между ними оставался тонкий слой ткани. Шэнь Нянь же, словно лишившись костей, мягко подался к нему, его лицо всё еще было влажным от слез.

Для любого стороннего наблюдателя это выглядело так: прекрасный красавец пережил незаслуженную беду и теперь ищет опоры у единственного, кому может доверять. Естественно, это вызывает жалость и снисхождение.

Гу Шишу изо всех сил старался удержаться от желания оттолкнуть «сына удачи» и прикончить его на месте. По крайней мере, не сейчас.

— Ты... — Владыка постарался говорить как можно мягче. Он невозмутимо поставил Шэнь Няня на ноги, тут же отдернул руку и спрятал отвращение, промелькнувшее в глазах. — Ты всё еще хочешь остаться во дворце?

— Владыка здесь, поэтому я, конечно, хочу остаться... — в глазах Шэнь Няня читалась мольба.
— К тому же, как бы велик ни был мир, для меня... для меня больше нет иного места...

— Ты правда не хочешь вернуться в клан Цинчэн?

Шэнь Нянь, не раздумывая, покачал головой, а затем, словно вспомнив, что можно использовать, осторожно добавил:

— Я слышал, Вы тоже были в клане Цинчэн, но...

За недосказанностью скрывалось всем известное событие, но Шэнь Нянь не стал его озвучивать, боясь задеть болезненную мозоль Владыки. Он продолжал с искренним сочувствием:

— Поэтому, даже если я слишком самоуверен, мне кажется, что Повелитель демонов понимает меня. В глазах посторонних клан Цинчэн сияет, но внутри скрыто немало гнили. Здесь же для меня всё гораздо чище, я...

Шэнь Нянь, мастерски декламирующий заученное, внезапно замолчал. Его зрачки расширились. Он был настолько потрясен чем-то происходящим, что лишился дара речи.

Гу Шишу почувствовал неладное. Он обернулся к дверям зала. Свет, льющийся снаружи, ослеплял, и стоявший в дверях человек казался лишь темным силуэтом.

Но у него был меч. Сломанный меч, который, однако, всё еще ярко сиял в лучах света, а его лезвие веяло ледяным холодом.

Меч был холодным, как и сам этот человек — такой же холодный и одинокий, как луна в инее.

Мастер меча клана Цинчэн, Фу Тинсюэ. Наконец-то он пришел.

<http://bllate.org/book/18924/1851386>